

СОЮЗЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА И ЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗКИ: ДИСКУРСИВНАЯ ФУНКЦИЯ СОЮЗА *НО*

Е.В. Урысон, uryson@gmail.com

Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН, Москва, Россия

Аннотация. Объект рассмотрения данной работы – союзы *но* и *хотя*. Цель работы – показать, что союз *но* указывает на неожиданный поворот изложения: предтекст индуцирует у субъекта ментальную готовность к восприятию определенной информации, но вместо нее субъект получает другие сведения – его ожидание обманывается. Тем самым союз *но* является специфичным дискурсивным маркером. В работе демонстрируется, что семантику союза *хотя* естественно описывать аналогичным образом.

Ключевые слова: русский язык, союз *но*, союз *хотя*, обманутое ожидание, логические операторы, дискурсивная функция

Для цитирования: Урысон Е.В. Союзы естественного языка и логические связи: дискурсивная функция союза *но* // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22, № 2. С. 63–69. DOI: 10.14529/ling250207

Original article
DOI: 10.14529/ling250207

NATURAL LANGUAGE CONJUNCTIONS AND LOGICAL OPERATORS: DISCURSIVE FUNCTION OF THE RUSSIAN CONJUNCTION *NO* 'BUT'

E.V. Uryson, uryson@gmail.com

Russian Language Institute named by V.V. Vinogradov RAS, Moscow, Russia

Abstract. The object of the paper are Russian conjunctions *no* ('but') and *khotia* ('though'). The goal is to demonstrate that *no* ('but') marks an unexpected turn in the narration when the preceding text (or utterance) induces recipient's mental readiness (expectancy) for different information, thereby violating the expectancy. Thus, *no* ('but') is a specific discursive marker. The paper also shows that *khotia* ('though') operates as a similar discursive marker.

Keywords: Russian language, conjunction *no* ('but'), conjunction *khotia* ('though'), expectancy violation, logical operator, discursive marker

For citation: Uryson E.V. Natural language conjunctions and logical operators: discursive function of the Russian conjunction *no* 'but'. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2025;22(2):63–69. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250207

Союзы естественного языка *и*, *или* и *если*, по крайней мере в некоторых значениях, как будто похожи на основные логические связи – конъюнкцию, дизъюнкцию и импликацию соответственно. Что касается союза *но*, то его значение сложнее: в рамках «логического» подхода семантика *но* и *хотя* обычно представляется в виде выражения, включающего импликацию и отрицание. Ср.:

(1a) *Погода была дождливая (P), но Иван не взял зонт (Q).*

Союз *но* в подобных случаях указывает на нарушение некоторого обычного порядка вещей [6, 9]: 'обычно в дождливую погоду человек берет зонт', или с использованием логической связи 'если': 'обычно если имеет место дождливая погода, то человек берет зонт'. В более общем виде:

(1б) 'обычно если имеет место ситуация типа P, то не имеет места ситуация типа Q; в данном случае: P, Q'.

Выражение (1б) часто дают в сокращенном виде:

(1в) 'обычно если P, то не-Q; в данном случае: P, Q'.

Аналогичным образом представляется семантика союза *хотя* в случаях типа

(2a) *Хотя погода была дождливая (Q), Иван не взял зонт (P).*

(2б) 'обычно если место ситуация типа Q, то не имеет места ситуация типа P; в данном случае: Q, P'.

(2в) 'обычно если Q, то не-P; в данном случае: Q, P'.

Подробный анализ русских союзов *но, хотя* и используемого в этих выражениях союза *если* дан в [12]. В настоящей статье мы еще раз продемонстрируем, что союзы естественного языка *но* и *хотя* не могут быть адекватно описаны с использованием подобных логических выражений. (Заметим, что для поставленной цели достаточно рассмотреть лишь некоторые контексты с выбранными союзами.)

Первый вопрос, который возникает при анализе контекстов типа (1а) и (2а), касается интуитивно вполне очевидного понятия «обычный порядок вещей». Действительно, информация о том, что бывает обычно, т. е. о «нормальном порядке вещей», или, иначе, о «жизненных закономерностях» [9] или «аксиомах действительности» [7], не относится к знанию языка – это знание нашего мира, знание действительности. Однако семантический анализ контекстов типа (1а) и (2а) невозможен без привлечения этого знания. Следовательно, оно как-то входит в общую модель языка и нужно уяснить, как это знание организовано.

Очевидно, что подобная информация фиксируется не в словаре или грамматике, а в некоей «обиходной энциклопедии» – базе данных, содержащей сведения, хотя и не относящиеся собственно к языку, но известные всем говорящим. Принципы организации такой базы данных неоднократно обсуждались, в частности применительно к описанию сложных предложений (текста), содержащего союзы или подобные им коннекторы [14]. Коротко говоря, «обиходная энциклопедия» представляет собой набор типовых ситуаций, записанных в виде фреймов. С каждой типовой ситуацией связан свой сценарий – он фиксируется при данной ситуации. Например, с ситуацией «дождливая погода» связан сценарий поведения субъекта: он берет зонт, надевает плащ и т. п. Конкретная ситуация (ср. *Погода в тот день была дождливая*) соотносится говорящим (и адресатом) с типовой, в результате в сознании субъекта индуцируется соответствующий сценарий, например: «если имеет место дождливая погода, то субъект берет с собой или надевает на себя вещи, защищающие от дождя». Описываемое далее положение дел соответствует либо не соответствует данному сценарию. В последнем случае высказывание оформляется с помощью союза *но, хотя* или подобных лексических средств.

Ясно, что при соотношении конкретной ситуации (например, *День был дождливый*, или *С утра собирался дождь*) с типовой ситуацией «дождливая погода» в сознании субъекта не только индуцируется соответствующий сценарий, но и возникает ожидание описания определенного положения дел. Однако в случаях типа (1а) *Погода была дождливая (P)*, но *Иван не взял зонт (Q)* или (2а) *Хотя погода была дождливая (Q)*, *Иван не взял зонт (P)* говорить об ожидании как будто не имеет смысла: гораздо логичнее говорить о каузальных зависимостях и их нарушении – семанти-

ка союза *но* вполне описывается с помощью логических понятий импликация и отрицание.

Рассмотрим, однако, другие примеры.

(3) *Он ее любит (P)*, но *она к нему равнодушна (Q)*.

Этот пример не поддается естественной интерпретации в терминах каузальной зависимости между ситуациями: мы вряд ли согласимся с тем, что обычно «если мужчина любит женщину, то она тоже его любит». Иными словами, с типовой ситуацией «мужчина любит женщину» может быть и не связан сценарий «романические отношения между мужчиной и женщиной». Подобные контексты неестественно интерпретировать с помощью логических операторов импликация и отрицание (видимо, по этой причине такие контексты и не попадали в поле внимания логиков). Однако таких контекстов достаточно много – как кажется, они встречаются гораздо чаще, нежели «логически правильные» высказывания типа (1а). Приведем еще некоторые примеры.

(4) *Они [шторы] когда-то были зелеными (P)*, но *пожелтели от солнца (Q)* (И.С. Тургенев; пример из [9, с. 162]).

(5) *С утра больному стало лучше (P)*, но *вечером температура у него опять поднялась (Q)* [9, с. 162].

(6) *Клубок покати́лся по полу (P)*, но *остановился у порога (Q)* [9, с. 162].

Положение дел, описываемое в этих примерах, абсолютно соответствует нашему представлению об устройстве мира. Тем не менее в них совершенно нормально употреблен союз *но*. Встает проблема описать семантику союза *но* так, чтобы увязать случаи типа (4)–(6) с «логической интерпретацией» союза *но* в примерах типа (1а). Попытка соответствующего описания союза *но* была предложена В.З. Санниковым.

Для объяснения «нелогичных» употреблений союза *но* В.З. Санников постулирует существование особых «жизненных закономерностей», особых «общих принципов». Например, для случаев типа (4) вводится «принцип статичности», который заключается в следующем: «Мир, окружающий человека, устойчив к изменениям. Исчезновение чего-то имеющегося или возникновение чего-то нового – ненормальность» [9, с. 162]. Еще один пример, подтверждающий принцип статичности:

(7) *Дождь шел бесконечно (P)*. Но *в один прекрасный день он кончился (Q)*.

В случаях (5)–(6) проявляется следующий общий принцип: «Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении» [9, с. 162]; приводим в сокращенном виде). Пример, аналогичный (5)–(6):

(8) *Сначала погода была хорошая (P)*, но *потом начались дожди (Q)*.

Общие принципы, постулируемые В.З. Санниковым, по-видимому, входят в «обиходную энциклопедию». Однако они не осознаются говорящими: «будучи осознаны, они в применении к

конкретной ситуации могут показаться ему <говорящему – Е.У.> странными» [9, с. 162].

Введение таких общих принципов как будто позволяет интерпретировать и другие высказывания с союзом *но*, не укладывающиеся в рамки логического подхода к союзам. Это в первую очередь многократно обсуждавшиеся случаи, когда союз *но* соединяет слова, выражающие противоположные оценки одного и того же объекта. Ср.:

(9) *Она некрасивая (P), но умная (Q).*

Одна или обе оценки могут быть обусловлены прагматически, ср.

(10) *Квартира большая (P), но окна выходят прямо на шоссе (Q).*

(11) *Она брюнетка, но не говорит по-английски [13].*

По Санникову, в случаях типа (9)–(11) представлен «принцип гармоничности»: «Нормально, когда признаки того или иного предмета или явления относятся к одному полюсу (оба – к положительному или оба – к отрицательному), ср.: *Она красивая и умная; Она некрасивая и глупая; Озеро было длинное и широкое.* Ненормально (и выражается союзом *но*) сочетание противоположных полюсов, ср.: *Она красивая, но глупая <...>; Она некрасивая, но умная; Озеро было длинное, но узкое*» [9, с. 163]. Ненормальность выражается союзом *но*.

Другой яркий случай «нелогичного» употребления союза *но* – это контексты типа

(12) *Морозы бывают (P), но редко (Q).*

(13) *Они поссорились (P), но не всерьез (Q).*

Для интерпретации союза *но* подобных случаев В.З. Санников вводит следующий общий принцип: «Нормальна высокая степень проявления признаков ситуации. Поэтому характеристики типа *долго, много* и т.п. считаются нормальными и вводятся союзом *и*, а характеристики типа *мало, недолго, недалеко, редко, несильно* и т.п. считаются ненормальными и вводятся союзом *но*» [9, с. 163]. Действительно, следующие примеры аномальны, ср.:

(14) **Морозы бывают, но часто* [нормально: *и часто*].

(15) **Они поссорились, но всерьез* [нормально: *и всерьез*].

Еще один общий принцип перекликается с постулатом кооперативности Грайса (приводим в сокращенном виде): «Нормально, когда утверждения оказываются правдой, а <...> ожидания осуществляются в действительности» [9, с. 163], ср. примеры В.З. Санникова:

(16) *Он сказал, что Катя уехала, и это была правда* [не: **но это была правда*].

(17) *Он сказал, что Катя уехала, но это была неправда <ложь>* [не: **но это была правда*].

(18) *Он считал, что Катя уехала, и не ошибся* [но: **но не ошибся*].

(19) *Он считал, что Катя уехала, но ошибся.*

В [9, с. 163] для описания «нелогичного» употребления союза *но* постулируется двенадцать подобных общих принципов. Для дальнейшего

рассуждения достаточно ограничиться приведенным материалом, поэтому мы их не приводим.

Введение «неосознаваемых принципов», лежащих в основе употребления союза, само по себе не противоречит современным представлениям об устройстве языка, в особенности – об устройстве его семантической системы: в языке зафиксировано некое «обиходное» представление о вещах, которое может достаточно сильно отличаться от осознанного знания [1, 11, 13]. Проблема состоит в том, что мы не находим в языке никакого другого свидетельства справедливости данных принципов: они подтверждаются лишь тем материалом, для интерпретации которого введены. Это ставит их существование под сомнение.

Есть и другой аргумент, заставляющий сомневаться в предложенном В.З. Санниковым подходе: во многих случаях союз *но* можно заменить на *и* – при том, что *и*, по Санникову, указывает на соблюдение того или иного общего принципа. Ср.:

(20) *Погода была дождливая (P), но Иван не взял зонт (Q) – Погода была дождливая (P), и Иван не взял зонт (Q).*

(21) *Клубок покати́лся по полу (P), но остановился у порога (Q) – Клубок покати́лся по полу (P) и остановился у порога (Q).*

(22) *Он сказал, что Катя уехала, но это была неправда <ложь> – Он сказал, что Катя уехала, и это была неправда <ложь>.*

(23) *Он считал, что Катя уехала, но ошибался – Он считал, что Катя уехала, и ошибался.*

Особые сомнения вызывает принцип гармоничности: сочетание противоположных оценок необязательно маркируется союзом *но* (и вообще необязательно маркируется), ср.: *умные наглые глаза – глупые наглые глаза, красивое холодное лицо – отвратительное холодное лицо; длинное, но узкое озеро – длинное и узкое озеро – длинное узкое озеро; Некрасивые девушки часто бывают умными.* По-видимому, обязательно маркируется сочетание противоположных оценок, если хотя бы одна из них является прагматической – как Q в примере (10), ср.:

(10) *Квартира большая (P), но окна выходят прямо на шоссе (Q).*

Действительно, *но* в данном случае является единственным маркером противоположности оценок – при том, что именно эти оценки находятся в фокусе внимания говорящего. Сама по себе пропозиция Q оценки в этом примере не выражает.

Попытаемся объяснить употребление союза *но* во всех подобных случаях, исходя из базового понятия «обманутое ожидание».

Начнем с самого яркого, на наш взгляд, случая типа (12): *Морозы бывают, но редко*, при аномальности **Морозы бывают, но часто*. Стандартное продолжение высказывания (12), скорее всего, будет таким:

(24) *Морозы бывают (P), но редко. Обычно температура зимой не опускается ниже нуля.*

В этом тексте первая пропозиция Р – о морозах, но дальнейший текст – не о них, а наоборот, о том, что зимой их нет. Восприняв Р, адресат как бы настраивается на продолжение о морозах, однако дальнейшее повествование оказывается, скорее, о теплой погоде. Ментальная готовность к определенной информации, т. е. ожидание такой информации (пусть неосознанное) оказывается обманутым. В подобных случаях союз *но* явно имеет метатекстовую [2], или дискурсивную функцию: он является маркером введения неожиданной информации. Аналогичным образом объясняются и другие примеры, которые в [9] интерпретируются как проявление принципа «нормальности высокой степени проявления признака». Ср. (13), а также

(25) *Она болела (Р), но недолго (Q).*

(26) *Он ударился (Р), но несильно (Q).*

Здесь в первой пропозиции речь идет о болезни (травме), но вторая пропозиция в каком-то смысле «отменяет» эту тему. Ожидание определенной информации обманывается, и это маркируется союзом *но*. Союз *и* в таких случаях не употребляется, ср.: **Морозы бывают, и редко; *Она болела, и недолго; *Он ударился, и несильно*. Причина в том, что *и* маркирует ожидаемую информацию; ср.: *Морозы бывают, и сильные <и часто>; Она болела, и долго <и тяжело>; Он ударился, и больно* – в этих высказываниях вторая пропозиция, в соответствии с ожиданием, на ту же тему (морозы, болезнь, травма), что и первая.

Перейдем к другим случаям. Возьмем (3) *Он ее любит (Р), но она к нему равнодушна (Q)*. В соответствии с принятым нами подходом, первая пропозиция «он ее любит» отсылает к типовой ситуации «любовь мужчины и женщины», зафиксированной в «обиходной энциклопедии». Адресат настраивается на сценарий, связанный с этой типовой ситуацией. Однако вторая пропозиция «она к нему равнодушна» не соответствует этому сценарию: ожидание сценария «про любовь» оказывается обманутым, и это маркируется союзом *но*.

Заметим, что данный пример допускает и другую интерпретацию: пропозиция Р отсылает к одной типовой ситуации («любовь, романтические отношения»), а Q – к другой («отсутствие романа»). Эта интерпретация хорошо иллюстрируется следующим контекстом, ср.: *Он ее любит, ему никто кроме нее не нужен (Р). Но она к нему равнодушна (Q)*. Ожидание адресата обманывается: вместо ожидаемого сценария, к которому отсылает первая типовая ситуация, он получает сведения о том, что имеет место вторая типовая ситуация.

Аналогичные две интерпретации допускают и другие примеры выше. Ср. (5) *С утра больному стало лучше (Р), но вечером температура у него опять поднялась (Q)*. Первая интерпретация: пропозиция Р отсылает к типовой ситуации «улучшение состояния», которая индуцирует соответствующий сценарий, ср. *Больной ел, температура была нормальной*. Адресат настраивается на этот

сценарий, однако пропозиция Q этому сценарию не соответствует. Вторая интерпретация: пропозиция Р отсылает к типовой ситуации «улучшение состояния», но далее следует не развитие этой темы, а отсылка (ср. пропозицию Q) к другой типовой ситуации – «ухудшение состояния».

(6) *Клубок покотился по полу (Р), но остановился у порога (Q)*. Пропозиция Р отсылает к типовой ситуации «перемещение объекта», но сценарий, соответствующий этой типовой ситуации, не «запускается»: Q не описывает перемещения. Вместо ожидаемого сценария, следует отсылка к другой типовой ситуации.

(7) *Дождь шел бесконечно (Р). Но в один прекрасный день он кончился (Q)*. Пропозиция Р отсылает к типовой ситуации «затяжной дождь», и адресат ментально настраивается на соответствующие сценарии (невозможность нормального передвижения по дорогам или работы на огороде и в саду; вынужденность много времени проводить дома и т. п.). Однако вторая пропозиция не соответствует этим сценариям. Ожидание сценария про затяжной дождь оказывается обманутым. Или, иначе: пропозиция Р отсылает к определенной типовой ситуации, но далее следует не сценарий, ей соответствующий, а информация о другой типовой ситуации – Q.

Несколько сложнее интерпретировать пример (4) *Они [шторы] когда-то были зелеными (Р), но пожелтели от солнца (Q)* (И.С. Тургенев). Пропозиция Р содержит слово *когда-то*, а оно отсылает к типовой ситуации «повествование о том, что было в далеком прошлом». Индуцируется сценарий о том, каким был объект рассказа – шторы – в прошлом, ср. *Эти шторы когда-то были зелеными, с тяжелыми кистями и бахромой*. Однако «запускается» другой сценарий – о том, как изменился данный объект. Ожидание сценария о далеком прошлом оказывается обманутым.

Обманутое ожидание мы усматриваем и в случае сочетания противоположных оценок. Ср. (9) *Она некрасивая (Р), но умная (Q)*. Зафиксировав первую оценку Р объекта, сознание «настраивается» на соответствующую общую оценку. Не исключено, что это обусловлено психологией – нам свойственно оценивать объект глобально: или он хороший – и тогда в нем нет никаких недостатков, нет ничего плохого, или, наоборот, он плохой, и в нем нет ничего хорошего, положительного. Однако затем сознание вынуждено переключиться на противоположную оценку Q. Это неожиданное изменение «настроенности сознания» и маркируется союзом *но*.

Заметим, что сочетание одних и тех же оценок может оформляться как с помощью союза *но*, так и с помощью союза *и*. Ср. *Она красивая и умная* – *Она красивая, но умная*. Последний пример показывает, что «ожидание» той или иной оценки может индуцироваться не настроенностью на общую непротиворечивую оценку данного объекта (как в случае выше), а принятыми представления-

ми людей о том или ином объекте: если говорящий придерживается мнения, что красивые женщины редко бывают умными (и хочет продемонстрировать это мнение), то он употребит союз *но* в случае сочетания двух положительных оценок: *Она красивая, но умная*.

Однако союзы *и* и *но* могут быть взаимозаменяемы и в других случаях, ср. (20)–(23). Этот факт, казалось бы, противоречит нашему описанию. Но это не так. Дело в том, что, строя из пропозиций *P* и *Q* определенную последовательность, говорящий может придерживаться разных стратегий. Представление об одной из этих стратегий дано выше: говорящий вместо того, чтобы «запустить» сценарий, индуцируемый типовой ситуацией *P*, запускает другой сценарий или вводит новую типовую ситуацию *Q*. Другая стратегия менее связана с типовыми ситуациями и соответствующими им сценариями: говорящий последовательно сообщает информацию о некотором объекте или положении дел. Эту стратегию можно назвать соединительной. Маркером соединительной стратегии является союз *и*. Не исключено, что в определенных случаях возможна лишь одна из этих двух стратегий. Но возможен и свободный выбор стратегии для описания одного и того же положения дел. Именно такую свободу выбора иллюстрируют случаи (20)–(23). Так, общей темой высказывания типа *Погода была дождливая (P), и Иван не взял зонт (Q)* является имеющееся положение дел – выбрав соединительную стратегию, говорящий не указывает, что поведение субъекта не соответствует сценарию, индуцируемому данной типовой ситуацией. Соединительную стратегию иллюстрируют и примеры *Клубок покотился по полу и остановился у порога* [общая тема – происходящее с клубком]; *Он считал, что Катя уехала, и ошибался* [общая тема – то, как он представлял действия Кати].

Вернемся к хорошо изученным примерам типа (1а) *Погода была дождливая (P), но Иван не взял зонт (Q)*, на которых строится «логический» подход к описанию союзов. Союз *но* в подобных случаях указывает на нарушение некоторого обычного порядка вещей, благодаря чему высказывания типа (1а) хорошо описываются с помощью логических операторов импликация и отрицание. Сам этот обычный порядок вещей фиксируется в некоей «обиходной энциклопедии» в виде набора типовых ситуаций и связанных с ними сценариев. Напомним, что при соотнесении конкретной ситуации (в данном случае *Погода была дождливая*) с типовой ситуацией «дождливая погода» в сознании субъекта индуцируется определенный сценарий, благодаря чему возникает ожидание определенного положения дел. Если описываемое положение дел не соответствует сценарию, то ожидание обманывается. Оказалось, что именно указание на обманутое ожидание является тем семантическим мостом, который объединяет разные употребления союза *но*. Следовательно, указание

на «обманутое ожидание» не только входит в значение союза *но*, но и является его семантическим ядром.

Предлагаемая интерпретация союза *но* подтверждается анализом некоторых употреблений союза *хотя*. Ср.:

(27) *Хотя большинство потухших вулканов – это горы конусообразной формы (P), не всякая такая гора – бывший вулкан.*

(28) *Хотя всякий равносторонний треугольник является равнобедренным (P), не всякий равнобедренный треугольник будет еще и равносторонним (Q).*

Эти примеры резко отличаются от хрестоматийных уступительных предложений с союзом *хотя*, ср.: (2а) *Хотя погода была дождливая (Q), Иван не взял зонт (P)*. В случаях типа (2а) речь идет о нарушении обычных каузальных связей между ситуациями: (2в) «обычно если *Q*, то не-*P*; в данном случае: *Q*, *P*». Именно этот смысл лежит в основе семантики уступительных предложений с *хотя*. Если бы пример (27) был устроен так же, как (2а), то в его основе лежал бы такой смысл:

(29) «Обычно если потухшие вулканы – это горы конусообразной формы, то всякая такая гора – это бывший вулкан».

Но очевидно, что (29) прямо противоречит законам логики. Дело в том, что высказывания типа (27) и (28) не апеллируют ни к какому знанию об обычных каузальных связях между ситуациями и не указывают на их нарушение. Они подразумевают, что при распознавании или определении данного объекта (вулканов, равносторонних и равнобедренных треугольников) не применим «накатанный» ход мысли, что нужно отвергнуть напрашивающийся вывод. Действительно, знание того, каким обычно бывает объект данного типа, индуцирует предположение *и*, следовательно, ожидание, что очередной объект (этого типа) тоже будет таким. Союз *хотя* указывает на неправильность такого предположения *и*, соответственно, ожидания (заметим, что вывод типа (29) является обычной ошибкой учащихся).

Очевидно, что обманутое ожидание выражается союзом *хотя* и в хрестоматийных примерах типа (2а) *Хотя погода была дождливая (Q), Иван не взял зонт (P)*: ожидается, что если погода дождливая, то человек берет с собой зонт. Как и в случае с союзом *но*, указание на обманутое ожидание в подобных случаях кажется лишним. Но это не так: «обманутое ожидание» является семантическим мостом между разными употреблениями союза *хотя* – в этом отношении союзы *хотя* и *но* сближаются.

Существенно, что ожидание (которое затем обманывается) может индуцироваться разными факторами. В «логических» примерах с союзом *но* или *хотя* ожидание порождается нашим знанием об обычных каузальных связях между ситуациями. В других примерах ожидание индуцируется

«инерционностью» человеческого сознания. Эта инерционность хорошо изучена в психологии применительно к восприятию человеком объектов внешнего мира (установки восприятия [10]).

В заключение заметим, что в лингвистике всегда были приняты два подхода к описанию союзов *но* и *хотя*: «логический» – с использованием логических операторов отрицание и импликация – и «психологический», использующий понятие «обманутое ожидание». Об обманутом ожидании в значении союза *but* см. [4]. Мысль о том, что сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным выражает обманутое ожидание, находим в [3]: «главное предложение <в таком сложноподчиненном предложении – Е.У.> содержит сообщение о факте, противоположном тому, чего можно было бы ожидать на основании того, о чем говорится в придаточном предложении» [3,

с. 337]. Аналогичным образом интерпретируется семантика союза *хотя* во многих более поздних работах. В частности, в работах [5; 8, с. 47] союз *хотя* толкуется так: $Q, \text{ хотя } P = 'P, \text{ поэтому ожидалось, что не-}Q; Q'$. Тем самым союзы *но* и *хотя* демонстрируют ситуацию неединственности лингвистического описания. Однако хорошо известно, что в подобной ситуации одно из описаний оказывается предпочтительнее – оно обладает большей объяснительной силой, более экономно и т. п. В нашем случае безусловно предпочтительно описание *но* и *хотя* с помощью понятия «обманутое ожидание»: этот компонент семантики оказался семантическим мостом между разными употреблениями данных союзов. Однако для того чтобы обосновать такое описание, понадобился анализ контекстов, как правило, не попадавших в поле зрения лингвистов.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
2. Вежицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978.
3. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. М.: Наука, 1954.
4. Карлсон Л. Соединительный союз *BUT* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986.
5. Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значение и синтаксические свойства союза *a* // НТИ. Сер. 2. 1974, № 9.
6. Левин Ю.И. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13 / 1 Моск. гос. пед. ин-т иностранных языков. Труды ин-та. М., 1970.
7. Мартемьянов Ю.С., Дорофеев Г.В. Опыт терминологизации общелитературной лексики. О мире тщеславия по Ф. де Ларошфуко // Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983.
8. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004.
9. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. М.: Наука, 1989.
10. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки // Д.Н. Узнадзе Психологические исследования. М., 1966.
11. Урысон Е.В. Проблемы описания языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2004.
12. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011.
13. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
14. Kitis E. Connectives and frame theory. The case of hypotextual antinomial 'and' // Pragmatics & Cognition. Vol. 8 (2). 2000.

References

1. Apresjan Ju.D. *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. Moscow: Nauka, 1974
2. Wierzbicka A. Metatekst v tekste [Metatext in text]. *Novoje v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], vol. VIII. Moscow: Progress, 1978.
3. *Grammatika russkogo jazyka* [Russian language grammar]. Vol. 2. Syntaksis [Syntax]. P. 2. Moscow: Nauka, 1954.
4. Carlson L. [Connecting conjunction *BUT*]. *Novoje v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], vol. XVIII. Moscow: Progress, 1986 (in Russ.)
5. Krejdlin G.E., Paducheva E.V. [Meaning and syntax properties of the conjunction *a*]. *Nauchno-tehnicheskaja informacija* [Scientific and technical information]. Ser. 2. 1974. № 2. 1974. (in Russ.)
6. Levin Ju.I. [On a group of Russian conjunctions]. *Mashinnyj perevod i prikladnaja lingvistika Trudy 1 Moskovskogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh jazykov* [Machine translation and applied linguistics], vol. 13. Works of 1 Moscow state institute of foreign languages]. Moscow. 1970. (in Russ.)

7. Martemjanov Ju.S., Dorofeev G.V. [An essay of terminologisation of common vocabulary. About world of vanity]. *Voprosy kibernetiki* [Problems of cybernetics]. Moscow, 1983. (in Russ.)
8. Paducheva E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in semantics of words]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2004.
9. Sannikov V.Z. *Russkie sochinitelnyje konstrukcii* [Russian coordinating constructions]. Moscow: Nauka, 1989.
10. Uznadze D.N. *Eksperimentalnyje osnovy psikhologii ustanovki* [Experimental basis of psychology of attitude]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological researches], Moscow, 1966.
11. Uryson E.V. *Problemy opisaniya yazykovoj kartiny mira* [Problems of folk model of the world description], Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2004.
12. Uryson E.V. *Opyt opisaniya semantiki sojuzov* [An essay of conjunction meaning description]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2004.
13. Shcherba L.V. O trojakom aspekte jazykovyx javlenij i ob experimente v jazykoznanii [On three aspects of linguistic phenomena and on experiment in linguistics]. *Jazykovaja systema i rechevaja dejatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka, 1931.
14. Kitis E. Connectives and frame theory. The case of hypotextual antinomial 'and'. *Pragmatics & Cognition*. Vol. 8 (2). 2000.

Информация об авторе

Урысон Елена Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия, uryson@gmail.com

Information about author

Elena V. Uryson, Doctor of Philology, chief researcher, Russian Language Institute named by V.V. Vinogradov Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, uryson@gmail.com

Статья поступила в редакцию 03.04.2025.

The article was submitted 03.04.2025.